

«НАСТУПАЮЩАЯ КРЕПОСТЬ» ПЕТРА I В БИТВЕ ПОД ПОЛТАВОЙ (К ИЗУЧЕНИЮ ИНЖЕНЕРНО-ФОРТИФИКАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БАТАЛИИ)

Именно исход Полтавской баталии 27 июня 1709 г., утрата Швецией своего наступательного потенциала – полный разгром и пленение армии Карла XII близ берегов Ворсклы и Днепра, предрешил ответ на главный для Петра I вопрос Великой Северной войны – Санкт-Петербургу, новой столице преобразованной России на берегах Балтики, быть!

Эпохальное событие для Восточной, Северной и Средней Европы – Полтавская битва, стоящая в ряду наиболее знаменитых баталий мировой военной истории, имеет очевидную исследовательскую перспективу. Многие обстоятельства этого столь памятного для народов нескольких сопредельных стран побоища до конца не выяснены и нуждаются в дополнительных изысканиях. Настоятельно требуется расширение документальной первоосновы: введенные в научный оборот источники не позволяют получить точный ответ на немалое число научно значимых вопросов. Задача данного исследования – изучение фортификационного искусства Петра I в ходе сближения русской армии со шведской во второй половине июня 1709 г.

На протяжении приблизительно двух лет (сентябрь 1707 – середина июня 1709 г.) Петр I последовательно, шаг за шагом воплощал свой стратегический замысел сокрушения шведского нашествия, используя отступательную тактику. На этом этапе царь создавал наиболее общие предпосылки для будущей победы. В июне 1709 г. Петр I, полагая условия для уничтожения шведской армии «малой кровью» подготовленными с большим запасом прочности, перешел к наступательной тактике, целью которой был решительный разгром противника в генеральной баталии.

Предпринятая Карлом XII осада Полтавской крепости (она была блокирована шведами 30 апреля 1709 г.) усугубила трудности его армии. Очевидно и другое следствие начатой осады – угроза возможного скорого падения крепости (запасы продовольствия и пороха истощились до предела) принудила Петра I к принятию действенных мер по ее спасению. Рядом последовательных действий и ударов шведские войска были сжаты в мае – середине июня 1709 г. в районе ближайших к Полтаве сел. Реальное положение шведов ярко обрисовано в письме главы российского внешнеполитического ведомства Г.И. Головкина, находившегося в царской ставке, послу в Копенгагене В.Л. Долгорукову, отправленном 10 июня 1709 г. из обоза близ Полтавы. Король, обозначивший, по словам Г.И. Головкина,

намерение «всеми силами крепость Полтаву добывать», многократно атаковал ее «приступом и подкопами», но постоянно был вынужден отступать «с великим уроном»ⁱ. Полтавский же гарнизон, напротив, совершая частые вылазки против шведов, наносил им немалый урон. Расположение шведских войск было окружено «со всех сторон ... подъездами и партиями» россиян, беспрестанно тревожившими неприятеля. Г.И. Головкин подводил итог: «...неприятель есть паче от нас в осаде, нежели она помянутая крепость от него, и вскоре чаем знатных действий над ним»ⁱⁱ.

Когда генеральный совет российской армии принял решение о начале наступательной фазы военных действий – вопрос, остающийся невыясненным из-за отрывочности имеющейся источниковой базыⁱⁱⁱ. Согласно тексту «Гистории Свейской войны», по решению военного совета с 16 июня 1709 г. начали сооружать новые апроши с правого берега Ворсклы к осажденной шведами Полтаве с целью установить непосредственное сообщение с крепостью, избежав при этом «генеральной баталии (яко зело опасного дела)»^{iv}. Лишь после полного провала этой попытки по причине сложности ведения земляных работ в болотистой пойме реки и ответных фортификационных усилий шведов было принято принципиально иное решение. «Гистория Свейской войны» содержит лишь самую обобщенную формулировку резолюции: «...инаго способа нет о выручке города, только что перейтить реку к неприятелю и дать главную баталию»^v. Ее наиболее развернутое изложение, по сути дела, наиболее полно дано в письме Петра I коменданту Полтавской крепости полковнику А.С. Келину от 19 июня 1709 г.: «...покинув все шанцы (напротив Полтавы на левом берегу Ворсклы. – П. К.), пойдем со всем войском к Петровскому мосту (где уже наш пост еще четвертово дни занят и укреплен) и тамо, перешед и осмотрясь, пойдем ... на неприятеля искать со оным баталии и чтоб пробитца всем войском к городу»^{vi}.

По мере продвижения русских войск к лагерю дотоле непобедимого Карла XII, располагавшемуся у Полтавы, разработанный царем схематический план грядущей битвы воплощался в конкретных мероприятиях, принимавшихся сообразно рельефу местности и изменявшейся обстановке. Иными словами, шел целенаправленный поиск поля, в наибольшей степени подходившего для предстоявшей битвы, и неизменно проводилась его инженерная подготовка.

Важнейшее отличие полевой тактики Петра I – продвижение русской армии к неприятелю неизменно сопровождалось возведением полевых фортификационных сооружений. На шведскую армию неуклонно надвигалась «наступающая крепость».

Выдающийся русский военный историк А.К. Пузыревский так оценил этот вид

боевого продвижения: «...в полевой фортификации Петр Великий обнаружил гениальную изобретательность и дал единственный в своем роде образец укрепленной наступательно-оборонительной позиции (Полтава)»^{vii}.

Переход первых трех российских пехотных и нескольких кавалерийских полков во главе с генерал-поручиком К.Э. Ренне на «шведский» берег Ворсклы совершился в ночь с 15 на 16 июня у деревни Петровки (10–11 км севернее Полтавы)^{viii}. На месте переправы были немедленно «несколько редут с линеєю учинены»^{ix}. Согласно дневнику Г. Адлерфельта, историографа походов Карла XII, неотлучно пребывавшего при королевской ставке, передовой русский отряд, едва переправившись в ночь с 15 на 16 июня на правый берег Ворсклы, еще «прежде, чем занялся новый день», соорудил земляную насыпь из семи бастионов (*un parapet de sept bastions*), за которыми и расположились войска. Россияне в тот день продолжали постоянно окапываться^x. Сообщив о совершенной несколькими тысячами русских драгун в ночь на 16 июня переправе через Ворсклу, А. Юлленкрук также отметил, что «неприятель окопал себя ретраншементами»^{xi}. Утром 16 июня генерал-фельдмаршал К.Г. Реншельд передал королю тревожную новость: минувшей «ночью неприятель построил на поле перед Петровскою семь небольших редутов, обставил их пушками и занял пехотою»^{xii}.

На созванном днем 16 июня военном совете шведские генералы посчитали, что наступать на русские фортификационные сооружения у Петровки опасно: путь к ним болотист. Вечером того же дня король одобрил это решение^{xiii}. К концу дня 16 июня, по Г. Адлерфельту, остальная часть передового российского отряда под командованием К.Э. Ренне перешла на правый берег Ворсклы и вступила «в свой новый лагерь» у Петровки^{xiv}. 17 июня, по наблюдению названного историографа Карла XII, неприятель продвинул свои земляные работы около Петровки ближе к расположению шведов^{xv}. 18-го числа русские перевели свои войска из Петровки «в новый ретраншемент» – вдоль Ворсклы возвели 17 редутов^{xvi}, то есть укрепленный лагерь россиян все более и более продвигался в сторону шведов.

Основные силы российской армии беспрепятственно перешли по мосту и бродами на другой берег реки вечером 19-го и в ночь на 20 июня^{xvii}. На поле у деревни Семеновки (8 км до Полтавы) тогда же был насыпан укрепленный лагерь для размещения пехоты и артиллерии – ретраншемент, примыкавший флангами и тылом к крутоярам, обрывающимся в сторону Ворсклы. Даже спустя два столетия на этом поле шириною около 800 м, окруженном со всех сторон, кроме западной, обрывистыми спусками, именно на линии, соединяющей их западные оконечности, сохранялась цепь малых и больших курганов – остатки укреплений армии Петра I^{xviii}.

Записи Г. Адлерфельта отражают процесс постоянного совершенствования русскими собственных укреплений. Так, 22 июня 1709 г. он пометил: «... неприятель продолжает беспрестанно окапываться». На следующий день Г. Адлерфельт записал: «... мы получили известие, что противник приступает еще ближе, постоянно возводя земляные оборонительные сооружения»^{xix}. Важное с точки зрения фортификационного искусства наблюдение – итог обстоятельного изучения местности в начале XX в., осталось не замеченным исследователями. Оно отражено в 8-страничной краеведческой брошюре 1909 г.: в западном направлении от Семеновского лагеря по возвышенности севернее болотистой и овражистой лощины, где несколько ниже берет исток речка Побиванка, тянулись следы от насыпанной во время стоянки там русских войск линии редутов^{xx}.

Поскольку нет оснований не доверять итогам проведенного к 200-летию юбилею битвы историко-топографического исследования местности, то налицо упущенный в трудах последующих поколений исследователей факт: укрепленная позиция близ Семеновки представляла собой сочетание ретраншемента, имевшего в тылу болотистую пойму Ворсклы, и линии редутов, вытянутой на запад. Линия этих насыпных сооружений была возведена именно на том месте, где по характеру местности единственно и можно было ожидать неприятельского наступления. Очевиден и другой вывод: новая позиция, которую русская армия заняла и обустроила ближе к расположению шведов 25 июня, повторила в основе своей предыдущую: ретраншемент – укрытие для пехоты и полевой артиллерии, примыкавший к откосам, шедшим к берегу Ворсклы, и линия редутов – прикрытие для расположения кавалерии на направлении вероятной атаки со стороны противника вдоль пересекавшей лощину большой дороги на Семеновку и дальше.

Последнее сообщение в дневнике Г. Адлерфельта, которому было суждено пасть сраженным пушечным выстрелом в разгар Полтавской битвы рядом с носилками короля, написано 25 июня: «... враг сделал великие передвижения, неуклонно приближаясь все более и более и строя земляные укрепления»^{xxi}. Что неприятель «укрепляет свою позицию окопами», можно было видеть и в подзорную трубу – по А. Юлленкруку, около полудня 25 июня об этом сообщили Карлу XII^{xxii}.

На поле будущей битвы, удаленное всего лишь на 5 км от валов осажденной шведами Полтавы, русская армия вышла 25 июня. Оценка избранного царем времени суток для осуществления этого марша на новую позицию добавляет немаловажные черты к портрету Петра I-полководца. Выдвигая армию на 3 км ближе к расположению столь непредсказуемого

противника, царь, что важно отметить, предусматривал как вариант развития событий – генеральную баталию в тот же день с выступившей навстречу россиянам армией Карла XII. О готовности Петра I к такому весьма вероятному следствию сближения российских войск в едва не непосредственное боевое соприкосновение с главными силами шведов свидетельствует содержание послания, написанного в исходе дня 25 июня 1709 г. главой внешнеполитического ведомства России Г.И. Головкиным, находившимся в царской ставке. Г.И. Головкин сообщал чрезвычайному российскому послу в Турции П.А. Толстому, что во втором часу того дня российские войска, построившись в боевые порядки, подошли на расстояние пушечной стрельбы к противнику и «желали с ним в бой вступить». Однако неприятель, по словам автора письма, занял сильные оборонительные позиции и не проявил склонности двинуть войска в бой^{xxiii}. Когда Г.И. Головкин писал свое послание, россияне окапывались на новых позициях, а царь вместе с генералитетом осматривал место, «откуда бы удобнее отоковать»^{xxiv}, то есть разрабатывал план продолжения наступательных действий. «И тако вскоре главной акции ожидать, в чем дай Вышний щастие» – подводил итог Г.И. Головкин^{xxv}.

Текст «Гистории Свейской войны» содержит объяснение, почему передвижение русской армии произошло не ранним утром, но ближе «к вечеру». По мысли командования, это давало больше надежд, что шведы не смогут вынудить россиян «к главной баталии, прежде нежели транжамент будет учинен»^{xxvi}. Расчет состоял в том, чтобы соорудить земляной укрепленный лагерь со рвом, валом, реданами и угловыми бастионами, в котором бы разместились в безопасности регулярные пехотные полки и полевая артиллерия, а также линии редутов в проходе между лесами, ведущем к полю перед ретраншементом, где стали лагерем конные полки. Это намечалось сделать в течение предстоявших вечера и ночи – выбор этого времени суток не позволял шведам помешать возведению ни ретраншемента, ни редутов. Смелая идея постройки внушительного фортификационного комплекса в непосредственной близости от расположения главных сил армии Карла XII была обдумана заранее. Для быстроты его сооружения солдаты заготавливали фашины – перевязанные охапки ветвей и сучьев, необходимые для ускоренной насыпки валов, еще во время стоянки войск у Семеновки^{xxvii}. Солдатам Семеновского гвардейского полка, к примеру, давали приказы вязать фашины 22–24 июня 1709 г. ежедневно^{xxviii}. 25 июня 1709 г. Семеновский полк получил такой приказ: «К походу быть в готовности; взять с собою хлеба на сутки да на каждого человека по фашине; кирки и лопатки»^{xxix}.

А.Д. Меншиков оценивал произошедшее 25 июня передвижение и закрепление армии

на новых позициях в написанном за день до битвы письме как сильный ход против шведов: «Вчерась обоз свой перенесли мы сюда и хотя ближе к неприятелю, только зело в удобном месте стали и траншемент построили, и чаем, что неприятель вскоре принужден будет место сие оставить и идти далее, когда надеемся ... с городом комуникацию свободную получить. В прочем у нас ... благополучно и опасности никакой нет, понеже ... наша армия вся здесь в совокуплении»^{xxx}. Новое местоположение укрепленного лагеря главных сил российской армии наилучшим образом отвечало и таким безусловным требованиям стоянки большого войска, как близость воды (Ворскла) и леса (у Яковцов). Фридрих II Великий, внимательно изучавший опыт Полтавской битвы^{xxxі}, характеризовал необходимость расположения войска у источников воды и мест, откуда можно было доставлять дрова, как «главное правило, которое при всех лагерях наблюдать надлежит»^{xxxіі}.

Что более предпочтительным Петр I считал выжидательный вариант баталии со шведами – с опорой на собственные фортификационные сооружения, неоспоримо. Об этом свидетельствует собственноручное письмо царя А.С. Келину от 26 июня 1709 г.: «...ныне ... вам повелеваем, чтоб вы еще держались, хотя с великою нуждою, до половины июля и далее...»^{xxxііі}. Российский монарх, следовательно, за день до битвы допускал, что решительное столкновение двух армий, несмотря на их самое тесное сближение, может произойти даже через три и более недель. В отличие от своего венценосного соперника на поле брани Петру I было органически присуще стремление во всех случаях в наибольшей степени подготовить победу, снизить риск и влияние непредвиденных обстоятельств.

Совершенное 25 июня 1709 г. передвижение русских войск на расстояние часового марша-броска до лагеря шведской армии заставило Карла XII в тот же день перевести лагерь пехоты и кавалерии ближе к российским позициям и разместить на новом месте весь армейский обоз^{xxxіv} – явные приготовления к битве.

Что представлял собой ретраншемент, базовое российское укрепление, в котором Петр I, осторожный военачальник, посчитал безопасным разместить основные силы созданной столь великими трудами регулярной армии?

Согласно гравюре Я. Кайзера, выполненной, как представляется автору, по посланным за рубеж после одержанной победы в том же 1709 г. официальным российским чертежам^{xxxv}, ретраншемент имел два угловых бастиона, полубастион и тринадцать реданов. Проделанные автором измерения чертежей фортификационных сооружений на поле битвы 27 июня 1709 г., происходящих из бумаг военно-походной канцелярии Петра I, позволяют сделать некоторые

заклучения. Ретраншемент имел не трапецевидную, как обычно принято считать^{xxxvi}, но строго прямоугольную форму. Западная сторона, наиболее угрожаемая в случае прорыва неприятельской армии, являлась наиболее зауженной: только 0,66 протяженности южной. Она имела два бастиона на углах, а вал между ними был усилен тремя реданами. На гравюре Я. Кайзера и использованных при ее создании чертежах (их копиях, вариантах) из бумаг Петра I показаны на западной стороне лагеря четыре равноудаленных друг от друга выхода для войск. Следовательно, ретраншемент мог быстро стать из мощного средства обороны опорным плацдармом для перехода в наступление укрывавшихся в нем пехоты и артиллерии (это и произошло в ходе битвы). Наиболее протяженная южная сторона ретраншемента, отходившая под прямым углом от спускавшихся к Ворскле косогулов, «смотрела» на Полтавскую крепость, от которой ее отделял лесной массив, изрезанный глубокими оврагами. Южный вал ретраншемента имел полубастион на восточном краю – там, где начинался береговой обрыв. На западной оконечности южного фаса укрепленного лагеря выступал упоминавшийся угловой бастион, усиливали южную сторону ретраншемента шесть реданов. По всей длине южного фаса равномерно между реданами, бастионом и полубастионом размещались семь проходов для быстрого вывода полков в поле. Северная сторона ретраншемента составляла только 0,75 от длины южной: продлевать ее далее к Ворскле не имело смысла – она доходила до начала ниспадавшего к низменной пойме реки языка оврага. Северный фас лагеря располагал четырьмя выходами для войск^{xxxvii}.

Открытый путь от нового укрепленного лагеря россиян до Полтавы простирался по полям подобием полукружия, огибающего с запада прорезанный глубокими оврагами лес, занимавший пространство между осажденной шведами крепостью и деревней Яковцы. Этот проход отграничивался другим лесом, лежавшим западнее и примыкавшим к селению Малые Будищи. Таким образом, единственный маршрут, по которому либо русская, либо шведская армии могли атаковать, представлял собой не слишком широкую прогалину между двумя лесными массивами. Иной путь к российскому ретраншементу – по дороге, шедшей от Полтавы через лес вдоль берега Ворсклы, совершенно исключался: узость места не позволяла ни шведам, ни россиянам развернуть боевые порядки армий для атаки. Петр I сумел наилучшим образом использовать эти особенности местности к выгоде россиян.

Поперек наиболее тесной части прохода по полям к месту стоянки лагерем русской кавалерии и ретраншементу, в котором укрывались пехота и артиллерия, царь 25 же июня распорядился отсыпать редуты – шесть замкнутых отдельных земляных фортификационных

сооружений, внутри которых разместили пехоту и пушки. Вперед от середины поперечной линии редутов тогда же, согласно замыслу монарха, были выдвинуты еще два редута, а в ночь накануне битвы перед ними начали возводить, но не успели закончить, еще два. Командовавший в день битвы Семеновским полком Б.И. Куракин, тогда гвардии подполковник, раскрыл в своем дневнике важную подробность: пехота занималась сооружением ретраншемента, кавалеристы – редутов. Регулярная конница расположилась за поперечной линией из шести редутов в линию: на правом крыле полки под началом Р.Х. Боура, на левом – К.Э. фон Ренне, посередине – И.К. Хейнске^{xxxviii}.

Новейший исследователь В.А. Молтусов высказался против чрезмерности в положительной оценке замысла русского командования соорудить редуты. Он обосновывает такой взгляд: «Историки поддаются под влияние такого авторитета военного дела, как маршал Мориц Саксонский, с чьей легкой руки в русской историографии распространилась преувеличенная оценка редутов в Полтавском бою»^{xxxix}. Автору статьи, напротив, представляется, что оценка роли редутов Морицем Саксонским чрезвычайно глубокая, взвешенная и помогает дать непредвзятую оценку планов и действий двух венценосных полководцев. Знаменитый военачальник полагал (1732 г.): «Невозможно было наступать на московитскую пехоту, не взяв этих редутов, так как нельзя было ни оставить их позади, ни пройти между ними, не подвергаясь опасности быть уничтоженным их огнем»^{xl}.

По вполне традиционному мнению автора статьи, редуты призваны были, во-первых, дать возможность конным полкам опереть на них собственную боевую линию для встречи неприятеля в случае атаки с его стороны. Во-вторых, четыре вынесенных вперед редута, облегчали вероятность своевременно обнаружить в условиях ночной темноты выдвижение шведов с целью атаковать русские позиции. В-третьих, если доверять сведениям, приведенным историком П.Н. Крекшиным, который лично знал Петра I и, главное, использовал немало недошедших до наших дней первостепенных источников, царь также полагал, что четыре передовых редута «могут шведскую неприятельскую армию разрезать надвое»^{xli}. Редуты выполнили в день битвы все три перечисленные выше задачи.

Стоит обратить внимание на то, что чрезвычайная важность редутов, передовой позиции, в замысле предстоявшей баталии подчеркнута многочисленностью их гарнизонов: шесть пехотных полков, всего 4700 чел.^{xlii}

Как свидетельство раздумий относительно того, какой рисунок следует придать линиям редутов в ведущем к полю перед российским укрепленным лагерем проходе между

лесами, можно расценивать их конфигурацию, изображенную на упоминавшейся ранее официальной гравюре-плане Полтавской битвы, вышедшей из-под резца Я. Кайзера. На этой гравюре показаны две, сходящиеся под острым углом линии редутов. Передовая линия редутов состоит только из трех и идет к крайнему справа редуту, ближнему к Малобудищенскому лесу^{xliii}. Именно такое расположение редутов показано и на подготовительном чертеже для создания этой гравюры из личного собрания чертежей Петра I^{xliv}.

Согласно напечатанной по официальному русскому заказу в Нидерландах гравированному Я. Кайзером плану Полтавской битвы^{xlv} и подготовительному чертежу к нему из собственного собрания чертежей, рисунков и схем Петра I^{xlvi}, все десять редутов россиян, возведенных в проходе между лесами к полю перед русским ретраншементом, имели одинаковую квадратную форму и размеры, но шведы, участники баталии, именовали «большим шанцем» третий по счету из выдвинутой вперед линии из четырех русских редутов, если определять их порядок со стороны наступавших шведов^{xlvii}. Именно его защитники сумели отразить три упорных шведских атаки, устроив неприятелю настоящую бойню. Оказалось, что без штурмовых лестниц (которых у шведов не было) любые попытки захватить этот редут обречены на провал^{xlviii}. Свидетельства шведов-очевидцев нисколько не противоречат военной целесообразности: логично было особым образом усилить именно передовой из восьми сооруженных первыми с вечера 25 и в ночь на 26 июня редутов. Именно он призван был, если бы наступление шведов последовало до возведения новых редутов, первым вступить в бой с наступавшим противником и расцезь его боевые порядки. В отечественной литературе названный факт постройки особо укрепленного передового редута, немаловажный с точки зрения военно-инженерного искусства, донныне не отмечен.

Не выдерживает критики сделанное недавно В.А. Молтусовым утверждение, что к северу от Яковцов, там где заканчивался лес и дорога от Полтавы по-над обрывом к пойме Ворсклы выходила на небольшое поле перед южным фасом русского земляного лагеря, имелось еще два редута – больших многоугольных шанца. Они изображены на ряде гравюр, сходно показывавших ход боевых действий и местность, где произошла битва^{xlix}. Однако на гравюрах этой группы имеется масса грубо противоречащих надежным и многочисленным источникам данных. Достаточно сказать, что русских редуты квадратной формы на ней показано только пять, причем в неожиданном месте – вдоль северного края Яковецкого леса; ретраншемент россиян изображен вытянутым вдоль косоогоров, уходивших вниз к Ворскле, и имеет неправильное многоугольное начертание; армия же Карла XII, согласно этим гравюрам,

атаковала не только через проход между Яковецким и Малобудищенским лесами, но и вдоль поймы реки Ворсклы и т. д.ⁱ О существовании двух названных редутов нет сведений и в письменных источниках.

Важно отметить, что протяженность линии из шести поперечных редутов, в соответствии с чертежом из военно-походной канцелярии царя, строго равнялась длине южной стороны укрепленного лагеря пехоты и артиллерииⁱⁱ. Не является ли это ключом к определению длины южной стороны и вообще всех размеров и общей площади ретраншемента? Данные и размышления о протяженности линии из шести поперечных редутов приводятся в литературе.

Среди собрания «Галереи Петра I» Библиотеки Российской Академии наук внимание автора статьи привлек подробный чертеж построенного 25 июня на месте будущей баталии ретраншемента, в котором показаны места расположения всех ставших в нем пехотных полков и обоза полевой артиллерии. К юго-западу от углового, также обращенного к юго-западу бастиона ретраншемента русской армии, на наиболее опасном для неприятельской атаки направлении, изображено невдалеке вытянутое в линию земляное укрепление из двух угловых редутов, вала с реданом посередине, открытое с тыла, – это сооружение еще не упоминалось в исторической литературе. Его протяженность, согласно чертежу, весьма значительна: 0,68 от длины западной, 0,46 – от южной стороны ретраншементаⁱⁱⁱ.

Было ли действительно возведено это сильное земляное укрепление?

Свидетельств его реального существования в источниках обнаружить не удастся. Напротив, такое фортификационное сооружение не показано ни на одной из многочисленных гравюр с видом битвы и не упоминается ни в одном из известных автору дневников и воспоминаний ее участников.

На взгляд автора, рассмотренный чертеж отражает существовавший у российского командования замысел совершенствования созданной на будущем поле битвы фортификационной системы, от которого либо отказались, либо просто не успели воплотить: баталия произошла на третьи сутки после перехода русской армии на новые позиции. Возведение описанного значительного земляного укрепления (редан и с его обоих краев валы, замыкаемые редутами) именно на наиболее угрожаемом направлении неприятельской атаки русского лагеря, как представляется, должно было еще более подорвать призрачные шансы шведов на успех такого наступления. В день битвы как раз с этой стороны генерал А.Л. Левенгаупт двинул в атаку на российский ретраншемент находившуюся под его командой часть шведских пехотных полков – попытка нападения была отражена массированным огнем

Российский монарх, следовательно, как можно заключить, намечал насыпку новых земляных укреплений, на которые русская армия опиралась бы в случае баталии. Только в ночь с 26 на 27 июня начали возводить, но к началу битвы не успели закончить два передних редута – это общеизвестный факт из истории баталии.

Петру I, следовательно, удалось навязать противнику именно то поле битвы, которое россияне тщательно обследовали и на котором успели за 25–27 июня 1709 г. выполнить большие фортификационные работы. «Не делайте того, чего хочет неприятель, единственно потому что он хочет этого; избегайте поля битвы, которое он обозрел, изучил, и еще более, на котором он укрепился и окопался»^{liii}, – это замечание, или «правило», Наполеона в полной мере соответствует и уроку, с блеском гениальности преподанному Петром I под Полтавой Карлу XII. В итоге, Полтавская битва от начала до конца протекала по плану Петра I – его оборонительному, наиболее выгодному для россиян сценарию, позволившему использовать возведенные полевые укрепления. Генерал-фельдмаршал Д. Кейт, служивший в России с 1727 по 1747 г., по словам прусского короля-полководца Фридриха II Великого, лично «обследовавший эту местность, ставшую столь знаменитой, был убежден, что даже если бы Карл XII располагал армией в сто тысяч человек, ему не удалось бы одержать верх над царем на этой позиции»^{liv}.

ⁱ Российский государственный архив древних актов. Ф. 53 (Сношения России с Данией). Оп. 1, 1709 г. Д. 3. Л. 62 об.

ⁱⁱ Там же. Л. 63.

ⁱⁱⁱ *Подьяпольская Е.П.* Военные советы 1708–1709 гг. Полтава // К 250-летию Полтавского сражения. М., 1959. С. 130.

^{iv} История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). М., 2004. Вып. 1. С. 159, 301.

^v Там же. С. 160, 301.

^{vi} Письма и бумаги императора Петра Великого (ПБИБВ). М., Л., 1950. Т. 9, вып. 1. С. 216.

^{vii} *Пузыревский А.К.* Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб., 1889. С. 317.

^{viii} ПБИБВ. М., 1952. Т.9, вып. 2. С. 947–948, 964.

^{ix} Там же. С. 947.

^x *Adlerfeld G.* Histoire militaire de Charles XII, roi de Suède, depuis l'an 1700 jusqu'à la bataille de Pultowa en 1709, écrite par ordre exprès de Sa Majesté. Amsterdam, 1740. Т. 3. Р. 450. Дневник Г. Адлерфельта содержит даты по «шведскому стилю», употреблявшемуся в Швеции с 1700 по 1712 г. Для перевода их на существовавший тогда в России «старый стиль» следует вычесть один день, что и проделано в настоящей статье.

^{xi} *[Юлленкрук А.]* Современное сказание о походе Карла XII в Россию // Военный журнал. 1844. № 6. С. 96.

^{xii} Там же. С. 98.

^{xiii} Там же. С. 98–100.

^{xiv} *Adlerfeld G.* Histoire militaire de Charles XII... Р. 450, 453.

^{xv} Ibid. Р. 454–455.

^{xvi} Ibid.

^{xvii} ПБИБВ. Т. 9, вып. 2. С. 964, 980; *Adlerfeld G.* Histoire militaire de Charles XII... Р. 456.

^{xviii} *Соколовский А.* План местности Полтавского боя 27-го июня 1709 г. («Отчетная карточка рекогносцировки») и объяснение к нему. Полтава, [1909]. С. 4.

- xix *Adlerfeld G. Histoire militaire de Charles XII... P. 462.*
- xx Соколовский А. План местности ... С. 4.
- xxi *Adlerfeld G. Histoire militaire de Charles XII... P. 463.*
- xxii [Юлленкрук А.] Современное сказание о походе Карла XII в Россию. С. 103.
- xxiii ПБИПВ. Т. 9, вып. 2. С. 980.
- xxiv Там же.
- xxv Там же.
- xxvi Гистория Свейской войны... С. 160, 301.
- xxvii Там же.
- xxviii Архив князя Ф.А. Куракина. СПб., 1892. Кн. 3. С. 119–120.
- xxix Там же. С. 121.
- xxx *Есипов Г.В. Князь Александр Данилович Меншиков // Русский архив. 1875. № 9. С. 73.*
- xxxi [Фридрих II] Его величества короля прусского Наставление о военном искусстве к своим генералам / Пер. с немец. А.А. Нартова. СПб., 1762. С. 48, 54.
- xxxii Там же. С. 30.
- xxxiii ПБИПВ. М., 1950. Т. 9, вып. 1. С. 225.
- xxxiv [Юлленкрук А.] Современное сказание о походе Карла XII в Россию. С. 104.
- xxxv В заглавии гравюры Я. Кайзера определенно говорится о сражении при Полтаве, как о «бывшем в ны не ш н е м (разрядка наша. – П. К.) 1709 году». Автором выявлена также прямая содержательная зависимость гравюры от первичных графических материалов, имеющих в личной коллекции Петра I (Ср.: Отдел рукописей Библиотеки Российской Академии наук (ОР БРАН). F° 266. Т. 3. Л. 81; Т. 2. Л. 85).
- xxxvi *Бутурлин Д.П. Военная история походов россиян в XVIII столетии. СПб., 1820. Ч. 1. Т. 2. План № 10; Шперк В. Инженерное обеспечение Полтавской битвы (к 230-летию Полтавской битвы). М., 1939. С. 16; Морской атлас. М., 1958. Т. 3. Ч. 1. Л. 11; Иванов Я.Г., Ростовский А.Н. Заповедник «Поле Полтавской битвы»: Путеводитель. Харьков, 1986. С. 76.*
- xxxvii ОР БРАН. F° 266. Т. 2. Л. 85.
- xxxviii Русско-шведская война. Записки кн. Б. И. Куракина. 1700–1710 // Архив князя Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 322.
- xxxix *Молтусов В.А. Полтавская битва: Новые факты и интерпретация. Дисс. ... к. и. н. Харьков, 2002. С. 106.*
- xl Редуты в Полтавском бою. Маршал Мориц Саксонский. 1732 г. // *Борисов В.Е., Балтийский А.А., Носков А.А. Полтавская битва. 1709 – 27 июня – 1909. СПб., 1909. С. 228.*
- xli Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Ф. 588 (Древлехранилище М.П. Погодина). Оп. 2. № 1732. Л. 39 об.
- xlii *Молтусов В.А. Полтавская битва: Новые факты и интерпретация. Диссертация... С. 110.*
- xliiii ОР БРАН. F° 266. Т. 3. Л. 81.
- xliv Там же. Т. 2. Л. 85.
- xlv См.: *Борисовская Н.А. Старинные гравированные карты и планы XV– XVIII веков. Космографии, карты земные и небесные, планы, ведуты, баталии. М., 1992. С. 190.*
- xlvi ОР БРАН. F° 266. Т. 2. Л. 85.
- xlvii *Энглунд П. Полтава: Рассказ о гибели одной армии / Пер. со швед. яз. М., 1995. С. 119–120.*
- xlviii Там же.
- xlix *Молтусов В.А. Полтавская битва: Новые факты и интерпретация. Диссертация... С. 109, 110.*
- l *Борисов В.Е., Балтийский А.А., Носков А.А. Полтавская битва. 1709 – 27 июня – 1909. Прилож. I, V; Борисовская Н.А. Старинные гравированные карты и планы XV– XVIII веков. Космографии, карты земные и небесные, планы, ведуты, баталии. С. 191.*
- li ОР БРАН. F° 266. Т.2. Л. 85.
- lii Там же. Т. 3. Л. 81.
- liii [Наполеон] Записки Наполеона о походах Тюрення и Фридриха Великого. М., 1836. С. 118.
- liv [Frédéric II de Prusse] Réflexions sur les talents militaires et sur le caractère de Charles XII, roi de Suède de main de Maître. S. 1., 1786. P. 57.